

Татьяна
Соломатина

Три истории
от автора
бестселлера
«Прямой посыл»

Большое
сердце

Татьяна Юрьевна Соломатина

Постоянная переменная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=419432

Т.Ю. Соломатина / Больное сердце: АСТ, Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-066273-9, 978-5-271-27390-2, 978-5-17-066272-2,

978-5-271-27391-9

Аннотация

Новелла писательницы, ставшей одним из главных литературных открытий последнего времени.

Содержание

1. Ответственный дежурный врач	4
2. Первый дежурный акушер-гинеколог	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Татьяна Соломатина

Постоянная переменная

*Столько событий за целый год —
Убито много людей
Разными скучными способами.
На каждый утонувший пароход —
Сто человек с насморками,
И пятьдесят — с поносами.
Из них сто двадцать восемь —
Неизлечимы.
Из них восемнадцать — мужчины.
Папа Хэм любил корриду.
Оставшиеся в живых
Борются со СПИДом.
Вот такие дела —
Наступил Новый год.
На пристани ждет
Свежепокрашенный пароход!*

1. Ответственный дежурный врач

Петр Александрович смотрел на жену. Во сне она была особенно некрасива. Куцые седые волосы размазались по белой наволочке. «Как свалявшаяся собачья шерсть», — подумал он и тут же больно получил в солнечное сплетение от совести.

– Черт! – Все еще красивый форматный мужчина без малого шестидесяти лет ойкнул и присел на краешек кровати.

– Петенька, опять болит? – произнесла женщина сквозь сон. – Проклятая язва! Почему ты себя не бережешь? Разве в новогоднюю ночь некому дежурить? – Она привстала и нежно погладила его по щеке.

– Света, ты прекрасно знаешь, что праздничные дни, а особенно – ночи, в роддоме наиболее ответственны.

– И больше в Новый год дежурить некому? – в который раз спросила жена, заранее зная ответ.

– Некому, Свет.

– А Ленка твоя?! – Она встала, набросила халат и начала причесываться перед зеркалом.

«Господи, если бы не эти клочкастые спутанные пейсы»...

– Эй, о чем задумался?! А Ленка твоя?!

– Ленка «моя», как ты ее изволишь величать, – начмед. А им по штату не положено ночных дежурств.

– А заведующему родильно-операционным блоком положено?

– Положено. И еще сверху придавлено.

– Вот-вот... А что тогда твоя Ленка там по ночам делает, если ей не положено?

– Елена Николаевна по ночам роды принимает, оперирует своих девочек или если особо сложные случаи.

– И свои девочки и особенно особо сложные случаи, – на-супилась жена, – возникают именно на твоих дежурствах?

– Не только. Поверь, она бывает в роддоме по ночам гораздо чаще, чем я. – Он улыбнулся через силу. «Ничего, еще полчаса, и ты уйдешь на работу. Всего тридцать минут между туалетом-ванной-кухней, и все», – проматывал он спасительную мантру.

– Я сварю тебе овсяной каши.

«Успокойся, продукты успеешь купить по дороге, а уж девочки сообразят». Он мечтательно улыбнулся.

Надо сказать, что Светлана Григорьевна, почтенная супруга Петра Александровича, мать двоих взрослых сыновей и четырежды бабушка, совершенно зря ревновала своего мужа к Елене Николаевне. Это было так давно, что уже могло считаться археологическим артефактом. Сто лет назад, когда Санька и Ванька еще пускали пузыри в близнецовой коляске, а Петр Александрович был молодым тридцатилетним, хотя уже и многоопытным хирургом, в родильный дом – еще не этот – пришла совсем юная ординатор Елена Николаевна. У нее была русая коса до пояса, стройные ноги, тонкие запястья и совершенно правильные черты лица. Будучи классически красивой женщиной, она отнюдь не производила подобного впечатления. Все благодаря пресной близорукости глаз. Но она была покорна, позволяя Петру Александровичу наматывать косу на ладонь. Такая у него была странная прихоть. Молодая жена после очередного бытового скандала в пику ему постриглась чуть ли не наголо... Ох, как не вовремя появилась Лена с ее безразличными глазами. Роман

длился три года – как раз столько, сколько потребовалось жене Свете вновь обрести подобие косы, а ординатору Елене Николаевне – выучиться у Петра Александровича ремеслу и сменить его на более перспективного любовника. Уходить от жены она никогда не просила. Он сам как-то предложил, мол, если хочешь... Но она лишь рассмеялась. Смех у нее был такой же пресный – под стать глазам.

После окончательной отставки в апогее страдания он даже уволился. И Елена Николаевна поменяла место работы – перейдя на повышение.

Спустя пятнадцать лет, когда Саша и Ваня уже неумело елозили по своим щекам папиной бритвой, Петр Александрович и Елена Николаевна снова встретились. В только построенном крупном родильном доме, входящем в состав многопрофильной клинической больницы. Его пригласили заведовать отделением гинекологии, а она была назначена «сверху» начмедом – заместителем главного врача по акушерству и гинекологии. Де-юре. Де-факто Елена Николаевна являлась главным врачом родильного дома. Встретились как две старые полковые лошади, поржали над прошлым, по-товарищески впряглись и потащили этот нелегкий лечебный и административный плуг по кочкам женского нездоровья, оврагам плохого финансирования и прочим лесам, перелескам и болотистым местностям, обозначенным на карте как «государственная медицина». Жена Света закатаила, было, истерику и... очень быстро поняла, что попала

«не в тему». Тем не менее вяло, но перманентно подкармливала необоснованные подозрения настоящего мумифицированными фактами прошлого.

Александр Петрович вместе с Иваном Петровичем покинули родовое гнездо, обзавелись собственными стойлами, и Петр Александрович, проснувшись однажды утром, обнаружил рядом с собой в постели совершенно чужую, седую почти, пожилую женщину, которая называла его Петенькой. Кажется, именно тогда впервые у него нашли вначале гастрит, а потом перестраховались и поставили язву желудка. От болевого синдрома долгое время ничего не помогало. Ни клинических, ни лабораторных, ни даже инструментальных признаков чего-то фатального – не было. А боль – вот она. Страшная, сгибающая пополам спастическая боль. Особенно по утрам при виде жены. Гастроэнтерологи и друзья-хирурги были уже почти в тупике – Петр таял, его всегда такие живые глаза стали близнецами белесых безжизненных очей начмеда. И тут появилось оно – Самое Лучшее Лекарство от язвы. Вернее – от «экзистенциальной тоски», как именовал сам Петр Александрович свое внезапное недомогание.

Анечка. Акушерка. У нее была русая коса до пояса, стройные ноги, тонкие запястья и совершенно правильные черты лица. Будучи классически красивой женщиной, она еще даже не понимала, какое впечатление производит и тем более будет производить на мужчин. Ей было всего восемнадцать. Глаза ее сияли прожектором с ультрамариновыми

фильтрами, смех был естественно-обволакивающим, а не искусственно отконтрактированным, как это свойственно более зрелым прелестницам. Она была жизнерадостна, как Винни-Пух, слопавший чужой мед, печальна, как Ослик Иа, потерявший хвост, и бестолкова, как Пятачок, уничтоживший воздушный шарик. Короче – она была естественна до одури. И Петр Александрович потерял голову. К тому же Анечка позволяла Петру Александровичу наматывать косу куда угодно и при этом была ласкова и беззащитна, как двухнедельный щенок.

Петр Александрович перевел Анечку из приемного отделения в физиологический родзал, на что Елена Николаевна, хоть и покачала укоризненно головой, но закрыла свои ситуативно близорукие глаза.

– Петь, это пахнет педофилией! – усмехнувшись, сказала она ему за плотно закрытыми дубовыми дверями кабинета начмеда. – Пятьдесят восемь минус восемнадцать будет сорок. О чем вы вообще разговариваете-то?!

– Лена, я с ней не говорю. Я с ней отдыхаю. Прижмется ко мне и водит пальцем по лицу. Я просто лежу. Поставит какую-нибудь гадость в DVD и смеется. А мне приятно.

– Тебе явно нужна была дочь. – Лена затушила бычок в пепельнице.

– А тебе явно не надо было делать тогда аборт. Теперь ни дочерей, ни сыновей. Только муж-альфонс. Насколько он там тебя моложе?

– Всего на десять. Не ехидствуй. Кто старое помянет – тому глаз в жопу.

– А кто старое забудет – тому оба на хер. Все хорошо, когда до конца. Я поражаюсь тебе, Лен. Всю жизнь принимать роды, всю свою длинную женскую жизнь принимать и принимать эти проклятые роды у чужих женщин и так и не захотеть своих детей?

– Петь... Давай не будем заводить шарманку, а?

– А машину ты зачем своему жиголо купила?!

– Слушай, хорош уже ворчать. Во-первых, никакой он не жиголо. У него своя работа, он ее любит, не его вина, что дохода она не приносит. А моя – приносит. Смогла – купила. Не могла бы – не покупала. Он бы и так со мной жил, не изволь беспокоиться. Ты своей малолетней пигалице вообще квартиру купил. Слава богу, хватило ума записать на себя, не совсем еще в маразме, видимо. Ты что от меня хотел? Чтобы я ее заявление на перевод из приема в физиологический родзал подписала? Я подписала. Нарушая все правила. Чего ты от меня еще хочешь? Психоанализа? Это, Петь, не ко мне. Это к другому доктору. Иди, плати денежки и неси на здоровье все, что твоей душеньке угодно. Водит она ему «пальцем по лицу»! Сейчас разрыдаюсь. Все, иди отсюда. Через полчаса смотрим девочку из второй палаты в патологии.

– Холодная ты, Ленка! Холодной была – холодной и осталась. Ты не умрешь, как все. Ты заледенеешь, – улыбнувшись, сказал Петр Александрович. Взял со стола подписан-

ное размашистой закорючкой заявление, тщательно выведенное под его диктовку круглым детским почерком, поднялся и вышел.

– Ты будешь есть? Или так и будешь узоры ложкой рисовать? Петя! Ты где?!

– Прости, Свет, задумался.

– Я, между прочим, который год под елкой в компании телевизора шампанское пью. Эти внуков подкидывают и уходят. Для тебя работа дороже всего на свете.

– Ну сколько можно одно и то же. Надоело! – Петр Александрович решительно отодвинул от себя тарелку. – Найди себе какое-то занятие по душе, подруг заведи, собаку, в конце концов. Глядишь, и легче станет. И от меня отцепишься, и от сыновей.

– Да как ты смеешь! Я детей растила, ночей не спала, пока ты в своих больницах пропадал. Они же слабенькие были.

– Света, они слабенькие сколько были? Они же от твоей любви материнской уже в двенадцать лет на Ленинградский вокзал сбежали – товарняком в Финляндию ехать. Новый год встречать и новую жизнь начинать. – Петр улыбнулся, вспомнив замерзших испуганных мальчишек, снятых милицией на следующей же станции. Как они радовались, как бросились навстречу, увидав папу и маму, от которых парой часов прежде решили сбежать. – Им уже по тридцать лет. Оставь их в покое. Они и внуков тебе скоро давать на выходные перестанут. Свет, в чем смысл твоей жизни?

– В тебе. И в детях, – поджав губы, тихо ответила жена. Уровень соленой воды превысил высоту плотины, и слезы яростно хлынули из глаз. Этого он не мог перенести. Это оставалось тем немногим, если не единственным, за что он когда-то боготворил эту женщину. Она плакала совершенно по-детски. Никакой бабьей истерики, никаких надрывных всхлипов. Просто крупные капли – как грибной дождь. И сияющие глаза. Никакой укоризны. Искренняя обида ребенка, не понимающего и не принимающего внезапно открывшиеся ему несправедливости мира. Это делало их такими похожими – Светлану Григорьевну, прожившую полвека, и Анечку возраста позднего «teens». Этого никогда не было в расчетливой и холодной Елене Николаевне. Не было и быть не могло. Она родилась не через естественные родовые пути живой теплой женщины, вызвав боль и радость, разрыв кровеносных сосудов и выделение гипофизом гормонов, наполняющих женскую грудь молоком. Лена родилась, как Афина Паллада. Через чью-то мужскую голову. Видимо, в наказание за это она всю жизнь и шла по головам. Преимущественно – мужским.

– Света, прости старого дурака. Ну, прости меня. – Он обнял жену и погладил ее по седой голове. Я тебе подарок под елочку приготовил. Хотел завтра утром положить, ну да побуду ранним Дедом Морозом. – Он прошел в свой кабинет и вынес оттуда объемный фирменный пакет. – Ты давно хотела новую шубу, держи!

Жена недоверчиво, с затаенным восторгом – как умеют только дети, животные и старики – достала из чехла невесомое меховое чудо – великолепно выделанную песцовую шубку.

– Извини, если что. На свой вкус выбирал. – Он, конечно же, врал. Шубу он выбирал с Анечкой. И в тот магазин пошел только из-за вырезанной из глянцевого журнала фото кожаной курточки в нелепых заклепках и стразах. После того как русоволосая Анечка получила искомое, она расцеловала его, да так и скакала жизнерадостной козой, царственно приказав продавцу упаковать ее старенькую школьную курточку в фирменный пакет. «Квартире она так не радовалась», – машинально отметил про себя Петр Александрович.

– А папе-то нравится? – не заржавело за обслуживающим персоналом.

– Да, «папа» вне себя от восторга! – скрипнул Петр Александрович, хлопнув вертлявого мелированного парня по плечу. – Ань, как думаешь, может, «маме» что подберем, а?

– «Маме» надо что-нибудь солидное, дорогой «папочка», – строго сказала Анька и подошла к выбору со всей серьезностью. Надо сказать, девушка не испытывала к жене Петра Александровича никаких женских чувств – ни злости, ни зависти, ни ревности. Светлана Григорьевна была для нее такой же частью жизни этого мужчины, как неизменный коньяк в кабинете, как умение мастерски выходить из любых,

самых сложных акушерских ситуаций, как Елена Николаевна, в конце концов. Он был для Анечки богом. Зевсом как минимум. У нее не то чтобы хватало ума не ревновать и не посягать, отнюдь, хотя и глупой для своих восемнадцати она не была. Просто все это – его гениальные руки, начмед, жена, его взрослые сыновья и малолетние внуки – были оттуда, с Олимпа. Она принимала этот «интерьер» как есть, не посягая на «перепланировку». Все это не просто поставлялось в комплекте – в ее детском сознании все, с ним связанное, и все, с ним связанные, – и были Им. Ее старым и добрым Богом. Отношения Анечки и Петра Александровича были настолько же целомудренны, насколько извращенны. Это был почти кармический инцест. Только она об этом не задумывалась. А он – не позволял себе задумываться. Отдавая отчет в том, что, встретить он Анечку в ее четырнадцать или шесть, он испытывал бы те же смешанные чувства, Петр Александрович ощущал мощнейший резонанс отеческих чувств, вердиктом психоанализа которых стала планетарная классика: «Раз уже оно так получилось, то пусть идет как идет».

Шубу «маме» выбрали роскошную. Слезы у Светланы Григорьевны моментально высохли, и она уже доставала наиболее подходящую к мехам обувь, чтобы насладиться своим отражением в зеркале.

– Светка, у тебя потрясающая фигура. Тебе безумно идет! – совершенно искренне сказал Петр Александрович.

– Петька, спасибо! Ты так давно не делал мне таких рос-

кошных подарков! И тем более комплиментов, – зардевшись, тихо добавила она. – Мне сразу захотелось в парикмахерскую! Да сегодня вряд ли. Там же запись за месяц вперед была. Новый год, все-таки. Да и ладно! Вот сейчас тебя провою...

– Подожди. Вот здесь тебе еще кое-что. – Он про себя подивился Анечкиной предусмотрительности. И протянул жене еще один пакет. Поменьше и поувесистее. В нем была косметика, батарея кремов для увядшей кожи и даже два флакона краски для волос так любимого им оттенка, на языке фирм-производителей называемого «скандинавский блондин». – Приятного тебе дня и с Новым годом, любимая!

– И тебя, мой Дед Мороз, – несколько мгновений спустя, оценив содержимое пакета, ответила жена. – Только ты мне позвони, ладно?

– Непременно, Свет.

– Спокойного тебе дежурства. Ой... – и осеклась, вспомнив, что не принято, не принято! НЕ ПРИНЯТО!!! Не принято желать докторам спокойного дежурства. Особенно на праздники. – Прости.

– Ничего... Ничего. Ну, пока. – Он улыбнулся.

«За столько лет могла бы уже запомнить».

Петр Александрович надел пальто, поцеловал жену и вышел на лестничную клетку. Пока он ждал лифт, Светка слала ему воздушные поцелуи и даже перекрестила. Давно он не видел ее такой сияющей.

«Я старый козел! Не стою этих женщин», – радостно и светло подумалось ему, пока он топал по непримятому снегу к машине. Легкие спастически втягивали в организм морозный декабрьский воздух.

2. Первый дежурный акушер-гинеколог

– Только не назюзюкайся до полусмерти! Могут же люди выпить немного для настроения и остановиться. И только тебе надо нажраться до потери человеческого облика и трахаться со всеми подряд!

– Я на дежурство иду! – Светлана Анатольевна и бровью не повела, в тысячный раз приводя аргумент, который соответствовал действительности как минимум раз девятьсот пятьдесят. Что, согласитесь, для десяти лет тоскливого супружества не так уж и плохо.

– А тебе по хрен, где напиться и с кем в койку упасть!

«Вот достал!»

– Слушай, Игорь, не так что-то – уходи. Начнешь с чистого листа, в Новый год и без скандалов, а?..

Увы, без скандалов не обходилось – ни первые, ни они же последние десять лет.

Поженились канонически – после второго курса мединститута. Быстренько запотешили двоих детей – девочку и еще одну девочку, оба закончили вуз с красными дипломами, вместе получили распределение в не самую плохую больницу, благодаря Светкиным родителям. Они же подарили молодой крепкой семье трехкомнатную квартиру буквально

в двадцати минутах ходьбы от работы. Молодые акушер-гинеколог и уролог в перспективе имели большое обеспеченное будущее. Они могли, не торопясь, овладеть профессией, поддерживаемые по всем фронтам – от карьерного до материального. Но. Всегда есть ужасное «но», не правда ли? В данном случае это сакральное двухбуквенное было поистине катастрофическим. Светкины родители разбились насмерть на одной захолустной трассе. Все могущественные друзья, приятели и знакомые, выразив сочувствие на похоронах, растворились в дали собственных жизней. У Светы случился малоприятный гормональный сдвиг – она обросла волосами в неположенных местах и облысела в исконно волосатых. А также растолстела, оплыла и стала неконтактна. Лечили ее примерно год. Вернее – лечила. Все обязательства и расходы взяла на себя та самая блеклоглазая Елена Николаевна. Почему? Кто бы объяснил. Она же пристроила Светкиных чад в пристойный детский сад на пятидневку и нашла более-менее высокооплачиваемую работу Игорю Ивановичу – Светкиному мужу. Его родительница проживала в каком-то селении километрах в трехстах от города и работала в сельсовете бессменным секретарем регулярно меняющихся председателей, а папы у него отродясь не было. Помощи ждать было неоткуда, и ему пришлось вспоминать, как оно – выживать самому. И все бы ничего, если бы найденная Еленой Николаевной денежная работа не была ну никак не связана с медициной. Его пристроили экспедитором в крупную

фирму, торговавшую зерном, мукой и прочим подобным товаром. «Хлеб – всему голова!» – напутствовала его дама, не подходящаяся ему никем, в ответ на его капризные взбрыкивания, мол, он гениальный уролог и рожден оперировать и пальцами из простат приличные деньги выковыривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.